

УДК 821.161.1+82.0
ББК 83 + 83.3(2Рос=Рус)52

«ПРАВО НА БИОГРАФИЮ» И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*

© 2020 г. А.Е. Козлов

Тартуский университет,

Тарту, Эстония

Дата поступления статьи: 21 августа 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-34-55

Исследование поддержано EU Regional Development Fund (Research topic: Literature Reputation of Mass-Fiction Writer: Nikolai Aksharumov Case)

Аннотация: Рассматриваются категории «право на биографию в истории» и «право на биографию в истории литературы», устанавливаются типологические связи между описанием литературного быта и спецификой жанра литературных воспоминаний. В начале статьи исследуются несколько взаимосвязанных сюжетов, выстраивающихся вокруг критики журнала «Отечественные записки». Анализируются способы «пересобирания» истории литературы в синхронии (статьи о Ф.В. Растопчине и О.И. Сенковском), актуализация оппозиций «право на бессмертие» и «право на забвение». Основная часть статьи посвящена феномену литературных воспоминаний и принципам отбора исторических фигур. Часто в самом этом отборе (выбор публициста или мемуариста, о чем писать и о чем умолчать) заключены значимые ресурсы для автокомментария. Рассматривая литературные воспоминания на нарративном уровне, вне их фактографии, автор выявляет модели литературного быта как авантюры (Булгарин, Панаев, Антонович, Успенский), литературного быта как бытия (Тургенев, Григорьев, Григорович) и литературы как памяти (Анненков).

Ключевые слова: литературные воспоминания, биография писателя, рефлексия и нарратив, автокомментарий, механизмы канонизации.

Информация об авторе: Алексей Евгеньевич Козлов — докторант кафедры русской литературы, Тартуский университет, ул. Lossi, д. 3, 51003 г. Тарту, Эстония.
ORCID ID: 0000-0003-0016-9546

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Для цитирования: Козлов А.Е. «Право на биографию» и литературные воспоминания второй половины XIX в. // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 2. С. 34–55.

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-34-55

* Автор благодарит профессора кафедры русской литературы Тартуского университета Любовь Николаевну Киселёву за деятельные советы и критику черновых версий статьи.

“THE RIGHT TO BIOGRAPHY” AND LITERARY MEMORIES OF THE 19th CENTURY

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020. A.E. Kozlov

University of Tartu, Tartu, Estonia

Received: August 21, 2019

Date of publication: June 25, 2020

Acknowledgements: The research is supported by the EU Regional Development Fund (Research topic: Literature Reputation of Mass-Fiction Writer: Nikolai Aksharumov Case).

Abstract: The article bears on the classic articles by Lotman, Bakhtin, and Tomashevsky and contemporary works by Mestergazi, Kalugin, Djachuk and others. It focuses on the study of two categories: “*the right to biography in history*” and “*the right to biography in the history of literature*.” Dialogue among writers, journalists, and scholars in the 19th century demonstrates that these categories were understood differently, especially this concerns the limits of the mentioned “rights.” At the beginning of the article, I examine several interrelated stories that line up around the journal *Otechestvennye zapiski*. The essay analyzes methods of local and global influence on the history of literature in articles (articles about Feodor Rastopchin and Osip Senkovsky) and critical reviews (about Ivan Panaev). These materials actualize the opposition between “the right to immortality” (Turgenev) and “the right to oblivion” (Panaev). The main part of the article focuses on the phenomenon of literary memories and the principles of selection of historical figures. Considering the specific ways of organizing a biographical narrative, one can identify basic models of literary life, from adventure (Bulgarin, Panayev, Antonovich, Uspensky) to memory and being (Turgenev, Annenkov) and literature as memory (Annenkov). In conclusion, I argue that the corpus of literary memories is aimed at building a certain hierarchy, or a system of names. In other words, not being themselves part of the literary canon, these texts play a role in its formation contributing to the “legend about literature that it invents about itself” (Lotman).

Keywords: literary memories, writer’s biography, reflection and narrative, auto-commentary, canonization.

Information about the author: Alexey E. Kozlov, Doctoral Student, University of Tartu, 3 Lossi St., 51003 Tartu, Estonia. ORCID ID: 0000-0003-0016-9546

E-mail: alexeykozlov54@gmail.com

For citation: Kozlov A.E. “The Right to Biography” and Literary Memories of the 19th Century. *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no 2, pp. 34–55. (In Russ.)

DOI: 10.22455/2500-4247-2020-5-2-34-55

Анализируя опыт жизнеописания в широкой хронологической перспективе, Ю.М. Лотман писал о том, что «каждый тип культуры вырабатывает свои модели *людей без биографии* и *людей с биографией*. Здесь очевидна связь с тем, что каждая культура создает в своей идеальной модели тип человека, чье поведение полностью предопределено системой культурных кодов, и человека, обладающего определенной свободой выбора своей модели поведения» [10, с. 780]. Этот тезис, во многом продолжающий концепцию Б.В. Томашевского, обозначенную в его программной статье «Писатель и биография» [15; 13], позволяет включить в исследовательское поле не только тексты, чья жанровая природа соответствует научной или популярной биографии, но и периферийные жанры, в которых функционируют биографические нарративы. Такие нарративы, или конструкции [17; 14; 6], запечатлевая в себе сюжеты из жизни реальных людей (и неизбежно их трансформируя), имеют довольно сходные траектории бытования в культуре. Знаменательно, что биографические нарративы, вне зависимости от их первичной среды: устной речи (легенды и анекдоты), толстого журнала и иллюстрированного еженедельника (фельетон, биографический очерк, некролог), отдельного издания (предисловие к собранию сочинений, материалы к биографии), — проникают не только в беллетризованные повествовательные тексты, но и с течением времени транслируются на страницах школьных учебников. Во всех случаях особую роль играют принципы и методы выбора фигуры, способы ее репрезентации и реконструкция окружения или сообщества. Некоторые из этих методов и принципов, стихийно или намеренно используемых журналистами и беллетристами XIX в., мы попытаемся продемонстрировать на материалах настоящей статьи.

С точки зрения романтической эстетики, которой наследует практически весь XIX в., писателем с биографией должна быть неординарная личность, чей жизненный путь представляет собой отступление от общепринятой нормы. Более того, само это отступление корректирует впоследствии представление о нормальном. Отчасти эта тенденция нашла отражение в программных статьях и манифестах Т. Карлейля и Б. Дизраэли, проводивших общую мысль о героях и героическом в повседневной жизни. При этом, наряду с героем в исторической плоскости, на первый план выступают писатели и художники. Противоположный романтическому, позитивистский взгляд, представленный в первую очередь работами И. Тэна, предполагает, что практически любая личность, принадлежащая среде и оставившая свой след в истории, имеет право на биографию [5; 11].

В середине 1850-х гг. в русском культурном пространстве не только определяется круг фигур, «достойных биографии» [10], но и многократно уточняется вопрос, «на какую именно биографию имеет право этот конкретный человек?» [6]. Именно в этот период усиливается рефлексия о прошлом и осмысляются границы периода литературы, позже названного Золотым веком: «После славы быть Пушкиным или Гоголем прочнейшая известность — быть историком таких людей»¹. Показательно, что в течение 1850-х гг. печатаются собрания сочинений Пушкина и Державина (предваряемые материалами к биографии поэтов), биография и неизданные произведения Гоголя.

Прослеживая историю становления биографического очерка в журнале «Русский вестник», Д. Калугин останавливается на трех фигурах: Т.Н. Грановском, П.Н. Кудрявцеве и Н.В. Станкевиче. Первые две биографии объединяет то, что эти общественные деятели — и во многом либералы — оставили свой след в истории науки: оба были преподавателями. В этом отношении и тот, и другой имели право на биографию, и здесь, скорее, возникал вопрос о границах ее открытия и сокрытия. Совсем иная история — Станкевич. Как мы помним, Станкевич не оставил значительных литературных сочинений, его личность важна не с точки зрения истории литературы как истории текстов, а истории литературы как истории идей.

¹ Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Чернышевский Н.Г. Собр. соч.: в 15 т. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 3: Статьи. Эстетические отношения искусства к действительности. С. 780.

Исследуя эту ситуацию, Калугин замечает: «...к 50-м годам формируется новый тип биографии человека без литературной истории. Важнее оказываются его мысли и концепции, без которых сложно представить направление многих кружков 40-х годов XIX века» [6, с. 301].

Подобный процесс происходил и в других толстых журналах, в частности, в «Отечественных записках». Так, Н. Тихонравов, пытаясь реабилитировать в глазах читателя Ф.В. Растопчина как литератора, писал о значении «мелочных деятелей» русской литературы:

Наша критика не раз поднимала вопрос о том, есть ли у нас литература, достойная иметь свою историю? Сомнение может теперь показаться странным; но лет двадцать назад оно волновало литературный мир наш и отчасти остается в своей силе и теперь — не для ученой критики, а для некоторой части публики. Это пренебрежение отечественною литературою происходило и происходит от поверхностного знакомства с нею или от совершенного незнания ее. Много виновата в том и безотчетная вера в предание, которое возводило в число литературных гениев самые обыкновенные бездарности и часто забывало живые стремления даровитых писателей или обширные начинания энергических личностей. Возвеличив Хераскова как гениального поэта, это на слово принятое предание немного позволяло ждать от писателей, которые не были им замечены. Разумеется, подобный взгляд на нашу литературу мог твердо держаться только до тех пор, пока наука ограничивалась эстетическою оценкою писателей, признанных классиками, и только на них обращала внимание².

Спустя пять лет С.С. Дудышкин подобным образом рассуждал и о О.И. Сенковском. Тезисы критика строились на «странном сближении» двух литераторов «прошлого» — Сенковского и Жуковского:

Сенковский, может быть, пережил себя самого, свою славу, и забывчивое общество забыло заплатить последнюю дань таланту? Но... не в пример говорим и не для сравнения... никто больше Жуковского не переживал своей славы, однако ж, когда гроб этого поэта, напоминавшего нам начало 19 века,

² Тихонравов Н. Граф Ф.В. Растопчин и литература в 1812-м году // Отечественные записки. 1854. Т. 95. С. 2.

был привезен в Петербург, все поторопились отдать должную дань заслугам первого нашего романтика. Сенковский никогда не переживал сам себя так, как Жуковский, Сенковский произвел такой же восторг в своих поклонниках объявлением в 1857 году, за несколько месяцев до смерти, каким были проникнуты его обожатели при чтении «Большого выхода у Сатаны» в 1832 году; при чтении «Листков», фельетонных и политических в 1856 году. Жуковский жаловался на равнодушные публики к его переводу «Одиссеи» и жалел, что не был жив единственный его ценитель и ученик — Пушкин; Жуковский был для одного времени, для одного направления литературы, Сенковский — для всякого. Следовательно, Сенковский не пережил своей известности — и между тем был забыт³.

Парадокс Сенковского состоял, с точки зрения автора статьи, в его «современности» и «своевременности». Однако за этими качествами стояли дилетантизм и несменяемая маска фельетониста.

Дудышкин снова возвращается к сравнениям — на этот раз он обращается к известному анекдоту об отставке Ломоносова от Академии.

Нет никакого сомнения, что Сенковский перефразировал не на словах, а в своей двадцатипятилетней жизни, как литератор и журналист, ответ Ломоносова и думал, что можно не Сенковского отставить от русской литературы, а русскую литературу от Сенковского. Но 1830–1855 годы не были уже 1730–1755, и русская литература была не академией⁴.

С точки зрения критика, Сенковский достоин упоминания как ученый-ориенталист, глубоко образованный и талантливый человек («Сенковский замечателен по своим способностям»). Однако литературное поприще, «вредное» по своей сути, определило судьбу его имени: Брамбеус поглотил Сенковского. Такой вывод подкреплялся в статье Дудышкина сильным риторическим обобщением.

3 Дудышкин С. Сенковский — дилетант русской словесности // Отечественные записки. 1859. Т. 122. С. 452.

4 Там же. С. 453.

Литературе нет дела до того, какие у вас и у меня способности: она не меряет таланта на аршин, но зато справедливо взвешивает, кто и сколько внесет в нее жизни, правды, дела. Вы можете гордиться вашим талантом передо мной, но литература не уважает ни вашей гордости собственным достоинством, ни унижения: она, как жизнь, требует, чтобы ей служили и большие, и малые, и талантливые, и бесталанные. Только по делам она отводит места, и другой табели о рангах еще никто не создавал в литературе⁵.

В обоих случаях мы наблюдаем не только попытку ревизии культурного пространства (взгляд на Растопчина через Хераскова, сравнение Сенковского с Ломоносовым и Жуковским), но и своеобразную индукцию — от частного «случая» к некоторым общим, универсальным законам. Очевидно, что *право на имя в истории* и *право на имя в литературе* перестают быть тождественными, поскольку определяются разными критериями.

Эту закономерность можно проследить, обратившись к некрологическим статьям об ушедших из жизни современниках. Так, уже в конце 1850-х гг., претендуя на особенное право называться журналом, где Белинский напечатал свои главные обзоры, «Отечественные записки» приветствовали издание первого собрания сочинений критика:

Первый том его сочинений, разбросанных по журналам, собран и издан. Появившись в Петербурге, этот том в то же мгновение и исчез. Мы полагаем, что нужно уже делать второе издание, хотя журналы не успели объявить и о первом. Вот лучшая похвала русской публике, которую привыкли обвинять во многом, а между прочим и в хладнокровии к именам, дорогим для русской литературы⁶.

Впоследствии по тому же принципу редакция «Отечественных записок» (А.А. Краевский и С.С. Дудышкин) поддержала и сочинения Н.А. Добролюбова. Не менее теплого отзыва удостоился и ушедший из жизни А.В. Дружинин (оцененный в большей мере не как писатель, а как человек).

В то же время совсем иначе редакция действовала, обращаясь к И.И. Панаеву и Н.Г. Чернышевскому. Если автор «Эстетических отноше-

⁵ Там же.

⁶ Сочинения В. Белинского // Отечественные записки. 1859. Т. 124. С. 29.

ний...» был заклеен как новый Брамбеус, а его критические статьи названы брамбеусовщиной (инвективы продолжились и после гражданской казни), то И. Панаев был провозглашен создателем литературы скандалов. При этом в вину беллетристу вменялось как раз его неумение написать достойное произведение: будучи современником «великих», Панаев не сумел создать нового:

Если помните, Иван Иванович, ваша деятельность началась в блестящее время, когда Гоголь писал «Мертвые души», когда Лермонтов помещал в журналах отдельные главы «Героя нашего времени», когда Белинский, переехавший из Москвы в Петербург, начал трудиться в том же журнале, в котором и вы начали печатать ваши повести; вы выступили в славное время — и друзья литературы в то время надеялись, что и вы сделаете для нее хоть каплю добра. Если я не забыл, то вы недавно напечатали даже в вашем журнале переписку с Белинским... Вы были поставлены хорошо. Перед вами лежала широкая дорога наблюдательности, которую только что открыл Гоголь, дорога прекрасная — дорогая изучения русской жизни в более выдающихся типах ее. В сорок первом году явился ваш «Онагр», за которым последовал растолстевший от деревенской жизни «Акетон». Потом явилась «Тля», и за нею вся тяжкая — им же нет числа и до сего дня. С первого шага вашего и до настоящего времени вы верны себе; все ваши литературные приемы остались у вас, и нового вы не приобрели ничего⁷.

Фельетонист Панаев, собирающий с точки зрения критика, *слухи, новости, сплетни*, тем самым терял свое право на имя в литературе. Репутации Панаева не способствовали и его воспоминания, воспринятые современниками по тому же ведомству. Буквально, похоронив Панаева в этой рецензии, критика журнала Краевского больше не упоминала его до самой смерти (исключение составляет обращение к Чернышевскому, где его статьи сравнивались с мемуарами Панаева). Сообщение о смерти беллетриста было дано подчеркнуто нейтрально, но составляло значимый контраст, в сравнении с другими некрологическими статьями журнала.

7 Литература скандалов. Три тома сочинений Ив. Панаева // Отечественные записки. 1860. Т. 132. С. 31.

В ночь с 18 на 19 февраля скоропостижно умер Иван Иванович Панаев, один из редакторов «Современника», известный литератор, писавший под псевдонимом Нового поэта⁸.

Конечно, в подобной манере, зачастую нарушающей этические правила, во многом заключалась специфика коммуникации обозревателей журналов, истоки которой можно увидеть в диалогах «Грунтя» и «Живописца» (повторяющих Spectator), а параллели — в западноевропейских изданиях типа «Punch» и «Journal Pour Rire». Тем не менее, несмотря на игровой характер такой коммуникации, в функциональном плане она была направлена на ту же задачу — «собирая» и «пере-собирая» истории литературы через историю образующих ее имен. В этом процессе ключевую роль сыграли так называемые литературные воспоминания, образующие корпус мемуарных и квази-мемуарных текстов в русской литературе второй половины XIX в., созданных писателями или людьми, так или иначе причастными к литературе.

В настоящей статье нас не будет интересовать фактография этих воспоминаний — усилиями комментаторов и текстологов XX в. установлены многочисленные неточности — речь может идти как о нарочитых искажениях хроники событий, так и о многочисленных «абберациях памяти». Наиболее подробно этот феномен объясняется в работах Л.Я. Гинзбург: «В мемуарах спорное и недостоверное объясняется не только несовершенной работой памяти или умышленными умолчаниями и искажениями. Некий фермент “недостоверности” заложен в самом существе жанра. Совпасть полностью у разных мемуаристов может только чистая информация (имена, даты и т. п.); за этим пределом начинается уже выбор, оценка, точка зрения. Никакой разговор, если он сразу же не был записан, не может быть воспроизведен в своей словесной конкретности. Никакое событие внешнего мира не может быть известно мемуаристу во всей полноте мыслей, переживаний, побуждений его участников — он может о них только догадываться. Так угол зрения перестраивает материал, а воображение неудержимо стремится

8 Смесь // Отечественные записки. 1862. Т. 140. С. 72. Противоположную тактику выбрало «Время». Несмотря на жесткий отзыв о «Литературных воспоминаниях», некролог, атрибутируемый Достоевскому, содержал положительную оценку деятельности Панаева и заканчивался словами: «Знавшие его близко искренне пожалеют об утрате человека, публика — об утрате талантливого писателя» (Некролог. Иван Иванович Панаев // Время. 1862. № 2. С. 95).

ся восполнить его пробелы — подправить, динамизировать, договорить» [2, с. 11]. В этих «достраиваемых» до факта конструкциях нередко угадывается интенция пишущего, связанная с его задачей сократить дистанцию между уходящим в историю прошлым и настоящим, утвердив место своего имени среди других имен [4].

Обратимся к «Воспоминаниям» Ф.В. Булгарина (1847), где недостоверность повествования и ее обнажение становится одним из распространенных приемов:

Николай Иванович Греч, излагая свое мнение о первых двух частях моих Воспоминаний (см. «Северную Пчелу» 1846 г. № 147-й) назвал рассказ мой импровизациею. Это самая верная характеристика моих Воспоминаний. Решившись издать в свете отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни, с тою единственно целью, чтоб представить хотя краткий, но верный очерк чудной эпохи, в которую мне привелось жить, я бросаю на бумагу мои воспоминания, точно так, как бы я рассказывал о былом, в кругу приятелей, без всяких приготовлений и требований. Может быть, иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу, потому что, желая представить верный очерк прошлого времени, я говорю так, как мы думали тогда, как верили тогда, и представляю предметы с той точки зрения, с которой тогда на них смотрели. Это именно и должно составлять главное достоинство моих Воспоминаний, если они имеют какое-либо достоинство⁹.

Характерным здесь является своеобразный «перевод» письменного текста в ранг устной речи. Изменение коммуникативной ситуации в данном случае предполагает снятие ответственности за сказанное слово («иное и было не так, как я рассказываю, но по составленному мною плану это вовсе не мешает делу»). Вместо распространенной метафоры памяти Булгарин обращается к образу дружеской беседы, имеющей свои принципы и границы бытования.

Тем не менее в большинстве воспоминаний мемуаристы исходят из установки на истинность. Более того, свидетельства писателя позиционируются как неотъемлемая часть истории литературы. Так, начиная свои «Литературные и театральные воспоминания», С.Т. Аксаков писал:

9 Воспоминания Фаддея Булгарина: Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб.: Изд-е М.Д. Ольхина, 1847. Ч. 3. Без пагинации.

Благодаря трудам наших библиографов и биографов, трудам, принимаемым читающей публикой с видимым участием, мы имеем теперь довольно важных сведений о писателях второстепенных, которые начинали приходить у нас в забвение, потому что они имели достоинства, относительные к своему времени. Кроме того, что все такие биографические сведения и разыскания любопытны, полезны и даже необходимы, как материал для истории нашей литературы, — в этом внимании, в этих знаках уважения к памяти второстепенных писателей выражается чувство благодарности, чувство справедливости к людям, более или менее даровитым, но не отмеченным таким ярким талантом, который, оставя блестящий след за собою, долго не приходит в забвение между потомками¹⁰.

Сохраняя интонацию дневниково-интимного повествования, Аксаков в то же время воспринимает себя «летописцем эпохи». Тем не менее этот летописец полностью включен в культурную и литературную жизнь. Как писал в своей рецензии Н.А. Добролюбов, «В предисловии к воспоминаниям своим С.Т. Аксаков говорит, что издает их как материал для истории литературы и как знак уважения и благодарности к людям, более или менее даровитым, но не отмеченным таким ярким талантом, который, оставя блестящий след за собою, долго не приходит в забвение между потомками. Намерение очень похвальное; но скажите, бога ради, о многоученные библиографы, неужто вы сумеете извлечь что-нибудь для истории литературы, — например, хоть из рассказов о том, как С.Т. Аксаков с Писаревым, Шаховским и Кокошкиным рыб удил на Седринском озере?»¹¹. В этой полемике нашло отражение видение истории глазами «новых людей»: не случайно разночинцы, ровесники Добролюбова, в первые десятилетия литературной деятельности либо вообще отказываются от воспоминаний, либо (как Антонович, Успенский и Жуковский) намеренно их скандализуют¹².

В обоих рассмотренных случаях наблюдается предельное сокращение дистанции между рассказчиком и собственно событием рассказывания

¹⁰ Аксаков С.Т. Литературные и театральные воспоминания // Разные сочинения С.Т. Аксакова. М.: Тип. Л. Степановой, 1858. С. 3–4.

¹¹ Разные сочинения Аксакова // Современник. 1859. № 2. Отд. III. С. 240.

¹² Оставляемый за скобками настоящей статьи иной, героический тип воспоминаний, в которых гражданская деятельность становится презумпцией права на литературное имя, получит свое развитие в последнюю треть XIX в.

[2]. Так, возвращаясь к литературным воспоминаниям И. Панаева, остановимся на рецензии «Времени»:

Литература не есть выдумка, мечта, проект: она есть факт. Следовательно, ее возможно любить не одною платоническою, но действительною, живую любовью. Чтобы почувствовать к ней такую любовь, нужно именно взять ее в ее действительности, в ее жизненной, фактической стороне, нужно вникнуть в ее историю. Наша родина, как известно, сторона печальная. <...> Что мы построили, что создали? Где наши памятники, где наша живая история? Какие досадно темные и неопределенные ответы мы должны давать на эти вопросы! Но есть у нас один ответ ясный и вполне определенный: у нас уже есть литература; жизнь пробилась в ней светлою, текучею струею¹³.

Очевидно, что в данном фрагменте литература становится синонимом культурной жизни страны.

Внутренняя история литературы интересна для читателей прямо как средство приблизиться к их недоступному идеалу, сколько-нибудь захватить в руки блестящие образы, которые носятся перед ними. Из этой истории читатель научается несколько выше ценить себя и иногда несколько ниже ценить писателей. Во всяком случае оба полюса, разорванные идеальными помыслами, сближаются. Читатель с радостью узнает, что писатели были люди, во многом похожие на него самого; в то же время перед ним яснее и правильнее обозначаются идеалы, имевшие до тех пор слишком общие, слишком ярые и сливающиеся формы¹⁴.

Тем не менее, несмотря на очевидную программу, выстраиваемую в данной статье, в действительности она никогда не была выполнена. Упреки рецензента в адрес И. Панаева, *служащего читательскому интересу весьма дурно* и показавшего своими воспоминаниями, *какими пустяками занимались литераторы в прежнее время, каких пустых людей превозносили и как творили многое неприличное*, могут быть распространены на целый корпус

¹³ Литературные воспоминания И. Панаева // Время. 1861. № 12. С. 160. Единой атрибуции статьи нет: ее авторство приписывается как Ф.М. Достоевскому, так и Н.Н. Страхову.

¹⁴ Там же.

подобных текстов. В то же время в литературных воспоминаниях, как в кривом зеркале, отражаются некоторые узнаваемые (хотя и искаженные) черты литературного быта.

Как мы видели выше, Иван Панаев создавал свои мемуары в двусмысленной ситуации. С одной стороны, его литературная слава как беллетриста и *Нового поэта* устоялась к 60-м гг. XIX в. С другой стороны, в литературной борьбе 1860-х гг. Панаев предстает скорее человеком прошлого десятилетия: он уже «не подавал никаких надежд», и от него, в сущности, не ждали новых талантливых текстов. Вероятно, по этой причине его «Литературные воспоминания» становятся способом некоторой реабилитации в собственных глазах и глазах читателей. Вместо того чтобы «возвышать» литературную среду, как это сделал С.Т. Аксаков, Панаев, напротив, «обытовляет» ее. Не случайно в его «Воспоминаниях» значительная роль отведена салонам и званым обедам (приемы у Н.В. Кукольника, Ф.П. Толстого, В.Ф. Одоевского).

Весь литературный вечер прошел в том, что хозяин дома, Глинка, Дельвиг и Кречетов подстрекали Колмакова и Огинского на разные нелепые выходки и подтрунивали над ними. Колмаков и Огинский забавляли и развлекали общество и бессознательно играли роль шутов¹⁵.

<...> На этих сферах впоследствии (это уже было в начале сороковых годов) собиралось иногда человек до восьмидесяти. Тут не были исключительно любители искусства и поклонники литературы, художники и литераторы, а всякого рода весельчаки, военные и штатские, пожилые и молодые — даже игроки, аферисты и спекуляторы. Вся эта разнохарактерная ватага бестолково толпилась и шумела, бродя из комнаты в комнату. Хозяин дома кочевал среди этой толпы и останавливался на минуту перед своими гостями с каким-нибудь любезным словом. О святине искусства не было и помину¹⁶.

По этим фрагментам нетрудно определить, что в центре внимания Панаева преимущественно внелитературный быт. Для «Литературных воспоминаний» Панаева характерна прерывистость и неровность повествовательной интонации. Мемуарист постоянно отходит от хроники событий,

15 Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. С. 33.

16 Там же. С. 147.

умалчивая и «вымарывая» из памяти многие значимые эпизоды. Знамательно, что «Литературные воспоминания» Панаева свидетельствуют о своего рода «неустоявшейся идентичности» их автора. Панаев выступает скорее не в роли биографа, а репортера-карикатуриста, запечатлевающего персонажей в тот момент, когда герои сюжета не знают об этом, не позируют и не следят за своей речью.

Отчасти эта техника напоминает о жанре фельетона: обращаясь преимущественно к курьезным ситуациям, заимствуя стили своих современников (монологи Аксаковых представляют пересказ их журнальных статей), возвращаясь к пародиям и парафразам (Гоголь в роли Хлестакова, общество у Аксаковых в роли чиновников города N), Панаев-повествователь искажает «сохранившиеся в памяти» события. Из-за этого стирается литературная роль самого Панаева: человек, пожимающий руки А. Дельвига, Н. Кукольника, К. Аксакова, В. Белинского, оказывается, в некотором смысле, лишен собственного лица. Иными словами, наделяя «правом на биографию» практически всех героев воспоминаний, Панаев редуцирует свое личностное переживание и участие в литературе. Своеобразное доведение до абсурда этой линии мы находим в «Литературных воспоминаниях» Н.В. Успенского: Успенский обвиняет Н.А. Некрасова в недобросовестности (беллетрист получил 1000 руб., а должен был — по собственным расчетам — получить 6000), рассказывает о том, как он — писатель-разночинец — чуть было не стал помещиком, купив землю у И.С. Тургенева, тиражирует бытовавший в литературных кругах анекдот о том, что Ф.М. Достоевский был высечен в Омском остроге. Разумеется, во всех случаях интенция Успенского очевидна: скандализировать знаковые имена литературного процесса (как некогда Жуковский и Антонович), в то же время показав свою роль в этой истории.

Противоположность такому типу описания составляют воспоминания И.С. Тургенева. Тургенев создал свои «Литературные и житейские воспоминания» в 1869 г. — к этому времени не только сформировалась его репутация образцового стилиста русской литературы, но и неоднократно высказывалась мысль о гибели таланта писателя [1; 12; 16]. «Нигилистические издания» записали его в круг тенденциозных беллетристов, поставив в один ряд с Авдеевым и Хвоцинской. Воспоминания Тургенева — своеобразная рефлексия о собственном месте в литературной истории, подкрепленная умело сгруппированными портретами и сценами.

Заметим, что в сильную позицию — в начало текста — поставлена история его вхождения в литературу.

Около пасхи 1843 года в Петербурге произошло событие и само по себе крайне незначительное и давным-давно поглощенное всеобщим забвением. А именно: появилась небольшая поэма некоего Т.Л., под названием «Параша». Этот Т.Л. был я; этою поэмой я вступил на литературное поприще. С тех пор прошло почти двадцать пять лет, и вот по поводу нового издания моих сочинений мне захотелось побеседовать с читателем и передать ему хотя частицу тех воспоминаний, которые накопились у меня в течение четверти века...¹⁷

Думается, не будет преувеличением утверждение о том, что в технике изображения литературных портретов Тургенев учитывал уроки «Portraits contemporains» Ш. Сент-Бёва. Рассказывая о себе в литературе, Тургенев дает стилистически точные зарисовки литературного мира.

Grande aevi spatium! Не обещаю читателю ничего очень нового, ничего «пикантного»; предуведомляю его также, что многое должно будет остаться невысказанным или недосказанным. <...> Потому я решаюсь ограничиться несколькими отрывками, несколькими отдельными главами из моих воспоминаний; внутреннее единство, я надеюсь, скажется в них; но от наружного единства, от последовательности рассказа отказываюсь заранее. Считаю, однако, нужным сообщить предварительно несколько данных, касающихся лично до меня и определяющих исходную точку моей деятельности¹⁸.

Тон записок Тургенева полемичен по отношению к воспоминаниям И. Панаева, а образ самого Панаева имеет отчетливо негативные коннотации. Будучи современниками, людьми одной эпохи, и — до конца 1850-х гг. — писателями одного круга, Тургенев и Панаев фиксируют сходные события из своей памяти.

¹⁷ Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания // Тургенев И.С. Собр. соч.: в 30 т. М.: Наука, 1983. Т. II. С. 7.

¹⁸ Там же.

Так, например, оба мемуариста передают встречу с Пушкиным — кумиром их поколения, — используя технику «беглого взгляда». Если у Панаева встреча с Пушкиным завершается циничным анекдотом, в котором Сваррацкий, «лицо без биографии», приравнивается к Пушкину из-за совпадения дат смерти, то Тургенев, говоря о Пушкине, не нарушает дистанции, обращаясь к лирической интонации шестой главы «Евгения Онегина»¹⁹ (вспомним совет Тургенева Анненкову закончить биографию Пушкина словами Жуковского).

<p>Бедный Сваррацкий! упоминая об нем, я не могу удержаться, чтобы не рассказать о последних минутах его жизни. Он получил Анну на шею и вслед затем взял отпуск, чтобы блеснуть этим знаком отличия на родине, но простудился и слег в постель. Доктор департамента Спасский, лечивший его, заехал к нему от раненого и умиравшего Пушкина. Сваррацкому было плохо. Он приподнялся на постели, схватил руку доктора и произнес, бросая грустный взгляд на Анну, лежавшую на столике у его постели:</p> <p>— Скажите мне, есть ли какая-нибудь надежда, доктор? Могу ли я выздороветь?</p> <p>— Никакой, — отвечал Спасский, — да что ж такое? все мы умрем, батюшка. Вон и Пушкин умирает... Слышите ли, Пушкин?! Так уж нам с вами можно умереть.</p> <p>Сваррацкий со стоном опустил голову на подушку и умер в один день и почти в один час с Пушкиным. Спасский по этому случаю заметил:</p> <p>— Вишь, счастливец! Умереть в один час с таким человеком, как Пушкин. Это не всякому удастся²⁰.</p>	<p>Несколько дней спустя я видел его лежавшим в гробу — и невольно повторял про себя:</p> <p>Недвижим он лежал... И странен Был томный мир его чела....</p> <p>Но возвращаюсь к рассказу²¹.</p>
---	--

19 Здесь уместно вспомнить совет И.С. Тургенева в письме Анненкову: «Я понимаю, — как Вам должно быть тяжело так дописывать биографию Пушкина — но что же делать? Истинная биография исторического человека у нас еще не скоро возможна, не говоря уже с точки зрения цензуры, но даже с точки зрения так называемых приличий. Я бы на Вашем месте кончил ее *ex abrupto* — поместил бы, пожалуй, рассказ Жуковского о смерти Пушкина, и только. Лучше отбить статуе ноги, чем сделать крошечные не по росту. А сколько я мог судить, торс у Вас выйдет отличный» (*Тургенев И.С. Письма // Тургенев И.С. Собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1983. Т. 25. С. 7*).

20 Панаев И.И. Литературные воспоминания. С. 50.

21 Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. С. 12.

Следует отметить, что в создаваемой Тургеневым галерее литературных портретов упоминание о Панаеве имеет отчетливо негативные коннотации.

В последних числах февраля месяца следующего 1852 года я находился на одном утреннем заседании вскоре потом погибшего общества посещения бедных — в зале Дворянского собрания — и вдруг заметил И.И. Панаева, который с судорожной поспешностью перебежал от одного лица к другому, очевидно, сообщая каждому из них неожиданное и невеселое известие, ибо у каждого лицо тотчас выражало удивление и печаль. Панаев, наконец, подбежал и ко мне — и с легкой улыбочкой, равнодушным тоном промолвив: «А ты знаешь, Гоголь помер в Москве. Как же, как же... Все бумаги сжег — да помер», — помчался далее. Нет никакого сомнения, что как литератор Панаев внутренне скорбел о подобной утрате — притом же и сердце он имел доброе, — но удовольствие быть первым человеком, сообщающим другому огорашивающую новость (равнодушный тон употреблялся для большего форсу), — это удовольствие, эта радость заглушали в нем всякое другое чувство²².

Нет возможности верифицировать этот факт²³, однако в самом способе сообщения прочитывается хорошо просчитанный ход: анекдот о Сварцаком и Пушкине, сочиненный Панаевым, проецируется на Панаева и Гоголя. За счет этого «Литературные и житейские воспоминания» приобретают ярко выраженный полемический оттенок.

Начиная свой рассказ о себе, Тургенев сочетает план личного повествования и условной исторической хроники. Именно *Т.Л.* публикует «Парашу», именно он избирает кумиров пушкинской эпохи, именно он становится автором статьи о Гоголе. Каждый жест автора «Воспоминаний» не случаен, поскольку утверждает его в литературе. Как Сент-Бев, создающий историю через критику, Тургенев включил повествование о личностях, *имеющих биографию*, в то же время не забывая о своем праве *ее иметь*.

22 Тургенев И.С. Литературные и житейские воспоминания. С. 62–63.

23 Ср. с воспоминаниями А.Г. Достоевской о «предупредительности» Д.В. Григоровича во время агонии и смерти Достоевского.

Противоположность «редуцирующим» воспоминаниям И. Панаева и «центрирующим» мемуарам И.С. Тургенева составляют очерки П.В. Анненкова. Литературные воспоминания критика и публициста складывались как сумма статей, опубликованных в разное время. Среди них наиболее ярким является «Замечательное десятилетие...» (1880), составляющее «летопись духовной жизни эпохи по охвату фактов, событий и лиц, по освещению множества проблем и вопросов, занимавших литературные “партии” сороковых годов» [9].

Центральным героем воспоминаний Анненкова становится Белинский, однако эта фигура рассматривается на фоне исканий целого поколения. В центре внимания биографа — интеллектуальный переворот в сознании В.Г. Белинского, олицетворяющего собой «замечательное десятилетие» эпохи. Не случайно фигура Белинского дана на фоне его современников — оппонентов-славянофилов (С.Т. Аксаков и К.С. Аксаков), политических деятелей (Маркс, Прудон), писателей-эмигрантов (А.И. Герцен, М. Бакунин). Современник и собеседник Гоголя, Анненков умело переключает план от «личного» повествования к «безличному»; условно находясь в определенной временной эпохе, он тем не менее находит точку «внеаходимости» — прошлое, в котором история литературы неразрывно сплелась с историей идей. В таком способе описания можно увидеть индуктивный опыт — через частное выразить общее.

Особое внимание биограф останавливает на письме Белинского к Гоголю, говоря о последнем годе жизни критика.

Белинский явился мне в эти дни долгих бесед и каждочасного обмена мыслей совершенно в новом свете. Страстная его натура, как ни была уже надорвана мучительным недугом, еще далеко не походила на потухший вулкан. Огонь все тлелся у Белинского под корой наружного спокойствия и пробегал иногда по всему организму его. Правда, Белинский начинал уже бояться самого себя, бояться тех еще не поработанных сил, которые в нем жили и могли при случае, вырвавшись наружу, уничтожить зараз все плоды прилежного лечения. Он принимал меры против своей впечатлительности. Сколько раз случалось мне видеть, как Белинский, молча и с болезненным выражением на лице, опрокидывался на спинку дивана или кресла, когда полученное им ощущение сильно въедалось в его душу, а он считал нужным оторваться или

освободиться от него. Минуты эти походили на особый вид душевного страдания, присоединенного к физическому, и не скоро проходили: мучительное выражение довольно долго не покидало его лица после них²⁴.

Так, говоря о литературном мире, Анненков практически не упоминает об особенностях быта. Более того, в интеллектуальном напряжении эпохи жизнь критика приобретает не меньшую, а, вероятно, большую ценность, чем жизнь писателя.

Подводя итог, отметим: биографические нарративы о писателях конструируют не только образ исторического прошлого, но и образ литературы. Особую роль в «пограничных жанрах», существующих между журналистикой и беллетристикой, играет отбор фигур. Часто в самом этом отборе (выбор публициста или мемуариста, о чем писать и о чем умолчать) заключены мощные ресурсы для характеристики автора произведения. Так появляются модели литературного быта как авантюры (Булгарин, Панаев, Антонович, Успенский), литературного быта как бытия (Тургенев, Григорьев, Григорович) и литературы как памяти (Анненков). Быть свидетелями жизни и восхождения классиков для авторов этих текстов зачастую синонимично *быть в литературе*.

Приведенные примеры показывают, что литературные воспоминания направлены не только и не столько на реконструкцию литературного быта, но и на выстраивание некоторой иерархии, или системы имен [7; 8]. Иными словами, не являясь частью литературного канона, эти тексты сыграли свою роль в его формировании, в оформлении той «легенды о литературе, которую она творит о самой себе» [10].

В целом же биография писателя — открытая структура, заполняемая историческими, личностными, фикциональными и прочими нарративами. Их производство и воспроизводство становится одной из дискурсивных практик по созданию и воссозданию мифа о культуре, сохранению фигур и их репутаций в культурном сознании.

24 Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 347.

Список литературы

- 1 *Батюто А.И.* Тургенев — романист. Л.: Наука, 1972. 390 с.
- 2 *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- 3 *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
- 4 *Дячук Т.В.* Концепт «писатель» в литературных воспоминаниях второй половины XIX — начала XX веков: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 208 с.
- 5 *Зенкин С.* Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 368 с.
- 6 *Калугин Д.* Проза жизни: русские биографии XVIII–XIX вв. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 264 с.
- 7 *Киселева Л.Н.* Проблема включения второстепенных писателей в литературный канон (на примере А.А. Шаховского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. № 1. С. 27–33.
- 8 *Козлов А.Е.* Литературоведение. Биография писателя. М.: Юрайт, 2019. 122 с.
- 9 *Кулешов В.И.* П.В. Анненков — мемуарист // *Анненков П.В.* Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. С. 6–37.
- 10 *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб.: Искусство, 2002. С. 804–817.
- 11 *Макеев М.* Николай Некрасов: Поэт и предприниматель: (Очерки о взаимодействии литературы и экономики). М.: МАКС Пресс, 2009. 236 с.
- 12 *Маркович В.М.* Человек в романах И.С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 154 с.
- 13 *Местергази Е.Г.* Теоретические аспекты изучения биографии писателя (В.С. Печерин). М.: Флинта Наука, 2007. 160 с.
- 14 *Рейтблат А.И.* Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 400 с.
- 15 *Томашевский Б.В.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–24.
- 16 *Фомина Е.* Национальная характерология в прозе И.С. Тургенева: дис. ... д-ра филос. наук. Тарту, 2014. 149 с.
- 17 *White H.* The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation. UP, 1987. 264 p.

References

- 1 Batiuto A.I. *Turgenev – Romanist* [Turgenev as a novelist]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 390 p. (In Russ.)
- 2 Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike* [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russ.)
- 3 Ginzburg L. *O psikhologicheskoi proze. O literaturnom geroe* [On psychological prose. On the literary character]. Moscow, Azbuka-Atikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)
- 4 Diachuk T.V. *Kontsept “pisatel” v literaturnykh vospominaniakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX vekov* [The concept of the “writer” in the literary memoirs of the 2nd half of the 19th – early 20th centuries: PhD dissertation]. St. Petersburg, 2005. 208 p. (In Russ.)
- 5 Zenkin S. *Teoriia literatury. Problemy i rezul'taty* [Theory of literature. Problems and outcomes]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2018. 368 p. (In Russ.)
- 6 Kalugin D. *Proza zhizni: russkie biografii XVIII–XIX vv* [The prose of life: Russian biographies of the 18th–19th centuries]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015. 264 p. (In Russ.)
- 7 Kiseleva L.N. Problema vklucheniia vtorostepennykh pisatelei v literaturnyi kanon (na primere A.A. Shakhovskogo) [On the intricacies of including secondary writers in the literary canon (the case of A. Shakhovskoy)]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 2019, no 1, pp. 27–33. (In Russ.)
- 8 Kozlov A.E. *Literaturovedenie. Biografiia pisatel'ia* [Literary Studies. Author's biography]. Moscow, Iurait Publ., 2019. 122 p. (In Russian)
- 9 Kuleshov V.I. P.V. Annenkov – memuarist [Annenkov as a memoirist]. In: Annenkov P.V. *Literaturnye vospominaniia* [Memoirs of Annenkov]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 6–37. (In Russ.)
- 10 Lotman Ju.M. *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia: istoriia russkoi prozy, teoriia literatury* [About Russian Literature. Articles and research: history of Russian prose, theory of literature]. St. Petersburg, Iskusstvo Publ., 1997, pp. 804–817. (In Russ.)
- 11 Makeev M. *Nikolai Nekrasov: Poet i predprinimatel': (Ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki)* [Poet and businessman: Essays on the interaction of literature and economics]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009. 236 p. (In Russ.)
- 12 Markovich V. M. *Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva* [Human in the novels of I. S. Turgenev]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1975. 154 p. (In Russ.)
- 13 Mestergazi E.G. *Teoreticheskie aspekty izucheniia biografii pisatel'ia (V.S. Pecherin)* [Theoretical aspects of studying author's biography (V.S. Pecheorin)]. Moscow, Flinta Nauka Publ., 2007. 160 p. (In Russian)

- 14 Reitblat A.I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: Articles about biography, sociology, and the history of literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 400 p. (In Russ.)
- 15 Tomashevsky B.V. Literatura i biografiia [Literature and biography]. In: *Kniga i revoliutsiia* [Book and revolution], 1923, no 4 (28), pp 6–24. (In Russ.)
- 16 Fomina E. Natsional'naia kharakterologiiia v proze I.S. Turgeneva [National characterology in the Prose of I.S. Turgenev: PhD dissertation]. Tartu, 2014. 149 p. (In Russ.)
- 17 White H. *The Content of the Form: Narrative, Discourse and Historical Representation*. Baltimore: Johns Hopkins UP, 1987. 264 p. (In English)